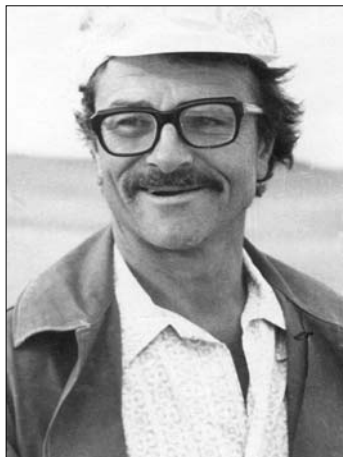

АЛЕКСЕЙ ШАБОЛОВСКИЙ

КРЮК

РАССКАЗ

За спиной, совсем рядом пронзительно крикнула большая птица. Семён не оглянулся: он распластался на выступе скального гребня, круто уходившего вверх. Далеко внизу, на плоском дне выпаханной ледником долины, — пухлая зелень, и по ней расплзлось стадо: крохотные белые и чёрные точки. А чуть побольше — треугольничек: пастух на коне. Сквозь прохладный ветер слабо доносится рокот горного потока. Высота 3600 метров...

Вокруг, как заточенные, врезались в небо пики Алайского хребта. По глубоким долинам веками ползут многокилометровые ледники, толкая впереди себя многоэтажные каменные нагромождения — морены. А на севере над Ферганской долиной, скрытой в сплошной дымке, повис в воздухе сказочный мираж Чаткальского хребта, его чёткие голубые грани. До него — трудно поверить — больше ста километров, а можно разглядеть каждую долинку, каждый гребень и вершину.

ШАБОЛОВСКИЙ Алексей Евгеньевич (1923–1989) со школьной скамьи ушёл на фронт. Зимой 1941–1942 годов участвовал в рейдах в тыл врага как боец комсомольского истребительного отряда, затем воевал в регулярных частях Красной армии на Ленинградском фронте. После тяжёлого ранения потерял левую руку. В 1949 году окончил Московский геологоразведочный институт. Вёл поиски и разведку полезных ископаемых на Дальнем Востоке, Северном Урале, в Сибири, Забайкалье и Монголии. Возглавлял геофизическую партию ЦНИГРИ в Саянах, осуществлял техническое руководство разведочной партией в Албании, несколько лет работал в аппарате экономического советника в правительстве Монгольской Народной Республики, был заместителем уполномоченного Министерства геологии СССР в МНР. Кандидат геолого-минералогических наук. Несколько рассказов А. Е. Шаболовского были опубликованы в журналах “Звезда”, “Аврора”, звучали в радиозэфире в день снятия блокады Ленинграда.

Рано утром, когда солнце ещё не показалось из-за гор, Семён начал очередную маршрут и вскоре подобрался к широкой каменной осыпи, конусом ухидившей вверх по склону. Здесь среди серых, невзрачных гранитов заметил обломки более светлых, характерных пород. Заволновался. Достал из-за пояса молоток, заработал, разбивая глыбы. На сколе одной из них засверкала ярко-белая зернистая масса, в которой как будто плавали бледно-зелёные многогранные кристаллы. Драгоценный камень. Его прозрачные разновидности после огранки украшают бесценные кольца и кольца. А то, что не годится ювелирам, идёт в самую тонкую металлургию — на вес золота. Это была удача: именно его искали они всей партией, где Семён проходил производственную практику.

Выше, в осыпи, Семён встретил ещё несколько обломков белых пород: по-видимому, где-то вверху в скалах есть рудоносная жила. Она разрушалась со временем, и её обломки скатывались в осыпь. Другого пути у них быть не могло! Однако снизу, насколько хватает глаз, жилы не видно. Значит, она где-то там, на склоне, может быть, высоко.

На вершине осыпи Семён осмотрелся. Впереди — прямая узкая расщелина с гладкими краями. Скальный склон крут и выглядит внушительно. Нужно лезть. Он прекрасно понимал рискованность такого поступка и предвидел возможные последствия: ведь рабочих рук у него только одна! Да и сделанная им находка уже важна: это успех всей партии. Завтра он приведёт сюда товарищей и, привычно заложив свою изуродованную войной руку в карман, задрав голову, будет следить, как ползут они вверх с выступа на выступ...

Понадёжнее закрепив за спиной полевую сумку и молоток, Семён пошёл по скалам. Первые сотни метров не пугали особой трудностью. Он поднимался довольно споро и как туманное, давно прошедшее, вспоминал альпинистское Приэльбрусье. Последний раз Семён там был в 1940 году. И многое случилось с тех пор: прошла страшная война... Ему помнились серебристые “гималайки” на берегу грохочущего Баксана, буйная черника, песни у костра и учебные занятия “с двойным охранением” на совсем пустяковых скалах... Эти, сегодняшние, куда серьёзнее! Но он знает, помнит, как нужно идти, как дышать.

На трудных скалах, чтобы просто держаться, необходимы три опоры: скажем, для ног и одной руки. И для каждой нужен выступ или трещина, или просто неровность. А чтобы двинуться вперёд и вверх, обычно требуется и четвёртая опора, чтобы на всех четырёх подтянуться сантиметров на двадцать или тридцать и поочередно переменить их. Четыре-три-четыре-три... Так учил когда-то рыжий инструктор Жора Андриюшкевич, погибший от немецкой пули на Клухорском перевале. Но сегодня на четвёртую опору у Семёна надежды нет: она никуда не годится. Что ж, он пойдёт на трёх: три-две-три-две... Так труднее, конечно, но он приспособится. Должен приспособиться!

Семён неторопливо продвигался вверх. Без толчков, мягкими движениями переходил с опоры на опору, стараясь достичь классической непрерывности хода, как кошка, когда идёт по крыше. Не останавливаясь, рассматривал скалы выше по маршруту, намечал путь на несколько метров вперёд. Вниз не глядел, но по ветру, по меняющимся звукам чувствовал, как медленно прибывает высота и распаивается за спиной прохладный простор.

Почти не останавливаясь, он двигался около двух часов. Солнце стояло уже высоко, и остывшие за ночь скалы прогревались, теплели. Из затенённых расщелин поднимался едва заметный парок, разнося неповторимые запахи утреннего высокогорья: чуть кисловатые — талого снега, мокрых, высыхающих камней — и совершенно особенный, очень тонкий, уже не запах, а скорее пресноватый аромат живых, зеленовато-бурых лишайников. На такой высоте растительности уже нет совсем, и это тоже можно почувствовать по тому, что нет сильного терпкого запаха влажной почвы и гниющих корней, горьких трав и цветов.

Семён поднимался всё выше, и в душе крепло радостное чувство уверенности. Искалеченный войной, карабкается он по круче, и всё у него

получается. И, наверное, многие с двумя руками, никогда не видевшие гор, не знающие радости такой вот борьбы, не смогли бы пройти здесь. А он идёт и будет идти, пока не доберётся до жилы!

Однако сейчас важность этой жилы и “высокая” цель как-то отошли на второй план. Его влекло вверх уже что-то личное, захватил азарт борьбы и близкое к восторгу ощущение полной своей пригодности выполнять то, что становится теперь целью и смыслом его жизни. А ведь совсем ещё недавно был такой момент, когда его глубоко потрясло вдруг созревшее сознание своего увечья и неполноценности.

Солнце уже подбиралось к своей полуденной точке, когда, перевалившись через очередной уступ, Семён увидел правее и выше сахарно-белое пятно. Это была большая жила. Она полого вытянулась в верхней части почти отвесной стенки. Один край жилы уходил за гребень, а другой несколькими узкими полосками тянулся влево и терялся где-то над головой. Подобраться к самой широкой части, где обычно больше всего бывает драгоценных включений, сейчас — одному, без верёвок — нечего было и думать. Оставалась надежда встретиться с ней выше, прямо по ходу.

Дальше предстоял крутой участок. Семён почти на ощупь выискивал выступы и неровности, перебираясь от одной опоры к другой. Крутизна заставляла всё время прижиматься грудью к скале и скользить, почти ползти. Наконец, метрах в трёх, прямо перед собой, он увидел две близко расположенных одна от другой белых полосы. Но пройти эти последние метры оказалось труднее, чем весь путь, который сегодня уже позади. Семёна отделяло от жилы подобие каменной парадной лестницы шириной метра два, но только уроненной набок. Полуметровые ступени торчали грядой. Всего два метра.

А внизу под ногами... Ну, сколько там под ногами метров или километров — теперь не имело значения. С огромным трудом Семён подтянулся почти к самой жиле: уже в метре от лица видел её зернистую поверхность, различал зелёные кристаллические вкрапления. Он мог бы дотянуться до неё рукой, если сделать ещё полшага.

Но Семён оказался не в состоянии сделать эти полшага — широко расставленные ноги стояли довольно прочно, а тело сильно наклонилось влево, и значительный вес приходился на руку. Чтобы переместить её на следующую опору, нужно хотя бы на несколько секунд снять этот вес, перенести его на ноги. Но этого-то и не получалось: как ни старался он укрепить своё положение, помогая плечами и коленями, третья опора не отпускала.

Так продолжалось довольно долго, и ему стало жарко, а по напряжённой ноге, что опиралась на самый носок, прошёл холодок. Так бывает, когда долго висешь на скале в неудобном положении, и нет возможности двинуться дальше: нога вдруг холодеет и как будто начинает неметь. Потом по икре вверх и вниз пробегает мелкая дрожь. Она медленно и неотвратно нарастает, усиливается, и вот уже ступня и колено дергаются судорожно, беспорядочно, и их никак нельзя остановить. И если не убрать ногу с опоры, не переменить позу, тогда судорога. А под тобой бездна... И ощущение беспомощности порождает страх...

Семён рывком выбросил вверх руку и перехватился — ничего другого не оставалось. На уровне глаз, перед самой жилой, вытянулась не широкая, почти горизонтальная скальная “полочка”, за край которой он теперь держался рукой. Подтянулся вверх, сколько было возможно, и положил подбородок на чуть скошенный выступ. Подбородок — тоже опора! И вот немеющая нога отдыхает. Ещё несколько секунд, и предательская дрожь совсем затихает.

Тогда, не меняя положения, он пошарил по стенке носком ботинка, нащупал опору и немного приподнялся... Но тут нога всё-таки соскользнула, он ударился подбородком и замер. По спине пошёл озноб. Положение стало критическим. Превозмогая боль в подбородке, в пальцах, отчаянным усилием воли и мускулов Семён забросил ногу на “полочку” и осторожно сантиметр за сантиметром, выполз на спасительную поверхность. Ещё усилие — он развернулся и сел на неровных и острых, но надёжных камнях.

Борьба отчаянная, короткая — всего несколько минут, и он выиграл: вот она, жила!

Тыльной стороной ладони Семён поглаживал шершавую поверхность жилы. Сидеть было неловко — сверху нависала остроугольная глыба, и с каждым движением он натёкался на неё спиной и плечами. Размахнуться как следует, чтобы отколоть порядочный образец, тоже никак невозможно. И он принялся расковыривать жилу по трещине острым концом молотка. С трудом наковырял два небольших мешочка чёрных и зелёных включений, связал их вместе и пристроил на поясе за спиной. Потом, счастливый и успокоенный, записал про всё виденное и сделанное в полевой дневник и приготовился в обратный путь.

Однако в его положении спуститься тем же путём нечего и думать. Давила усталость, болели икры, саднило кожу натруженных, стёртых пальцев. Двигаясь вверх больше трёх часов, он удачно выбирал дорогу, и не раз положение оказывалось сложным, просто опасным. Но на спуске никак нельзя рассчитывать попасть строго на те же опоры! А возьми чуть в сторону, на какой-нибудь нависающий выступ или карниз — и тогда худо...

Семён сильно, до боли зажмурился, потряс головой, чтобы согнать растерянность и страх. Ну, если нельзя вниз, так ведь можно ещё дальше вверх?

Откинувшись, насколько позволяло неудобное положение, он осмотрел скалы над головой и по сторонам. Вот сюда правее по чуть заметному выступу можно пройти метров восемь. А дальше не видно, но склон как будто становится более пологим. Да как бы там ни было, всё равно никто не придёт, не снимет его отсюда! Только сам...

Выше склон действительно стал относительно пологим. Но то, что можно было увидеть, скорой развязки не сулило. Вся надежда теперь на длинный, почти горизонтальный уступ, который едва просматривался далеко вверху. Возможно, по этому карнизу удастся пробраться в соседнюю, более ровную долину и уж по ней спустится к лагерю партии.

Однако сил положено слишком много, а идти придётся ещё несколько часов, и из них не меньше двух — вверх. Всё тело ныло, сопротивлялось, болели мышцы на шее, которые он всё-таки потянул, ударившись подбородком. С отвращением вспомнил, как лязгнули при этом зубы. Ладони кровоточили.

Прошёл час. Семён поднимался крутыми диагональными ходами — галсами. Двадцать шагов в минуту, не больше, иначе не дотянуть.

Прошёл второй час. Склон снова стал немного круче и уступ в верхней его части скрылся где-то за перегибом. Иногда становилось страшно — вдруг не попасть на этот уступ, и тогда придётся лезть на самый гребень.

А последние силы уходили, утекали. Теперь уже Семён отмерял пройденные расстояния совсем короткими отрезками: от острого камня до расщелины, забитой снегом, от пологой трещины до нависающего выступа. А когда приходилось всё же придержаться рукой или чуть подтянуться — это вызывало сильную, как ожог, боль.

Обессиленный, Семён лёг грудью на край карниза. Ноги уже без опор висели в пустоте, и это было против всяких правил. Но сил больше не оставалось совсем. Он прижался щекой к гладкой холодной поверхности и отдыхал, отдыхал... Дышалось почти спокойно, и сердце билось ровно, но силы иссякли вовсе.

Через несколько минут Семён выполз на карниз, не поднимаясь, отцепил сумку, перевернулся на спину и мгновенно заснул. Сколько это длилось, минуту или час, он не знал, но всё изменилось: сознание вспыхнуло сразу и было ясным. Семён не шевелился, но чувствовал, что изнеможение сменилось знакомой болью усталости в икрах, в пояснице, под правой лопаткой.

Он осторожно потянулся, не поворачивая головы, оцупал правой рукой край карниза и сел. Батюшки... Это же ковёр-самолёт! Справа пустота, а дальше, в бездне, — изумрудно-зелёное дно долины и белая прерывистая лента потока. А ещё дальше — неприступно крутой противоположный склон долины.

Карниз, на который выбрался Семён, тянулся до следующего гребня, и за ним начинался относительно пологий спуск — довольно спокойная дорога домой, в лагерь. Отлично!

Солнце ещё высоко, в сумке — кусок шоколада, а к ремню на поясе привязаны два небольших мешочка с бледно-зелёными кристаллами в белой породе. “Боженьки ж мои! — как говорила бабушка. — Хорошо-то как!..”

Опираясь на стенку, чтобы не качнуло в пропасть, Семён поднялся на ноги. Нормально! Осторожно прошёл несколько шагов влево, за выступ, там карниз продолжался и становился шире. А вверху, совсем недалеко, седловина, а за ней уже только чистое небо. Семён вернулся к сумке и тут увидел торчащий из расщелины край плоской четырёхугольной консервной банки из-под сардин. Банка совсем проржавела, но в ней когда-то обязательно были сардины: на Кавказе их всегда брали на восхождения, это была вроде как традиция.

Семён долго смотрел на этот ржавый привет из прошлого. Потом огляделся и тут же, на уровне плеча, в полуметре увидел справа забитый в трещину страховочный альпинистский крюк. Он был забит как положено, по самое “ухо”. Ну, конечно же, именно здесь, тем же путём, что и он, прошли (может быть, ещё до войны?) незнакомые ребята, возможно, несколько “связок”. Тут они отдыхали и ушли влево по карнизу, наверно, к тому светлому пику, что отлично виден снизу от палаток.

Он сел. Неудержимое, радостное шевелилось в душе, подступало к горлу, на глаза наворачивались счастливые слёзы. Семён откинулся на спину и заорал. Заорал небу и скалам, и этому старому надёжному крюку. Кричал то, что рвалось от пережитого, отнятого, достигнутого. И просто от молодости.

— А-а-а-а... Эй-й-й... Как я вас сделал, голубчики дорогие мои? Ишь вы, чайнички, физкультурнички! На крючочках, на страховочках... А я? Стреляться хотел — калека печальный... И вот — без верёвочек, зубками, на трёх пальчиках!..

Так в одиночку, почти в поднебесье, отпраздновал Семён свою новую, может быть, самую важную победу.